

“Отчизна к вам взывает” Русская публицистика в 1812 году

© Г. В. СУДАКОВ,
доктор филологических наук

Общеизвестно, что вторжение французской армии в Россию вызвало острую, неоднозначную реакцию в дворянском обществе. Для простого народа француз как интервент был врагом с самого начала. А вот для дворян с последней четверти XVIII века всё французское: формы бытовой культуры, литература и искусство, язык – было образцом для подражания. Модным считалось не только говорить, но и думать по-французски. В городской усадьбе и сельском поместье функционировали два сословных языка: французский – для господ, русский – для простолюдинов. Война прояснила очевидную вещь: “с высшим состоянием хотя они [французы. – Г.С.] и сблизились, будучи то дядьками, то учителями, но высшее состояние в России – еще не целая Россия” (Записки М.И. Маракуева // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М., 2001).

Вторжение Наполеона, связанные с этим бедствия, а особенно бесчинства его солдат в Москве в период с 2 сентября по 11 октября 1812 года поставили под сомнение галломанские идеалы высшего общества. Забегая вперед, заметим, что война не слишком помешала галломанским увлечениям дворянства. Прав оказался Ф.Н. Глинка, пророчески записавший в своем дневнике 7 ноября 1812 года: “Кто знает, может быть, эти выморозки поправятся, и наши расхватают их по рукам – в учителя, не дав им даже и очеловечиться” (Глинка Ф.Н. Записки русского офицера // Клятву верности сдержали: 1812 год в русской литературе. М., 1987). Уже 19 января 1814 года граф Ростопчин писал императору Александру: “Мания к французам не прошла в России” (Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным // 1812 год в воспоминаниях...).

Для речевой ситуации 1812 года наиболее актуальным было явление, замеченное и охарактеризованное В.Г. Белинским: “12-й год способствовал зарождению публичности как началу общественного мнения” (Белинский В.Г. ПСС. Т. XII). Само время обострило проблему формирования эффективных средств публичного общения, фактически тогда и возникла новая российская публицистика.

Начнем, однако, с самого острого момента – проблемы отношения к французской словесности и к французскому языку. А.С. Пушкин в

набросках рассказа “Рославлев” (1836) о языковой ситуации 1812 года писал: “Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась. Появились *простонародные* [курсив наш. – Г.С.] листки графа Растопчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни” (Пушкин. Рославлев). А вот и свидетельство современницы тех событий – Марии Александровны Волковой: “Народ так раздражен, что не осмеливаемся говорить по-французски на улице. Двух офицеров арестовали: они на улице вздумали говорить по-французски; народ принял их за переодетых шпионов и хотел поколотить” (Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской // 1812 год в воспоминаниях...); “Французский язык изгнан, крестьяне лишь услышат, что говорят на иностранном языке, сейчас же скорчат грозную гримасу... если, забывшись, по привычке начинали говорить по-французски, мужики сейчас спрашивали: не из тех ли негодяев, которые грабят Россию и Москву?” (Там же).

Итак, проблема употребления французского языка, по крайней мере, на период до конца 1812 года, была решена. Использование французского языка в публичном общении стало сомнительной, а то и опасной модой.

Появляются новые формы массовой информации, новые жанры публичного общения.

Прежде всего это печатные воззвания государя, Священного синода и Главного штаба. Высочайший манифест о созыве ополчения, как известно, был объявлен народу 6 июля 1812 года. Вслед за ним сразу вышло печатное (оформленное на отдельном листе – для раздачи и для расклейки) “Воззвание к первопрестольной столице нашей Москве!” Синода. Из-за необычности самого жанра первоначально эти манифесты произвели на население Москвы сокрушающее впечатление: “Когда я пробежал его, холодный пот выступил по всему моему телу; ужас, смешанный с каким-то болезненным чувством души, мешал видеть предметы в настоящем виде. Это воззвание в первый день напугало московских жителей, еще непривыкших, робких и болтливых”; “Решительный язык власти и барства более не годился и был опасен. Изданные тогда от правительства воззвания и различные извещения к народу чрезвычайно были любезны публике, а воззвание Св. Синода в особенности отличалось красноречием, силою и истинной” (Записки М.И. Маракуева).

Основа этих воззваний – церковно-проповеднический стиль. По стилистическим средствам, по используемым жанрам здесь можно видеть продолжение традиций агитационной литературы начала XVII века – периода Смуты, например, слог воззвания Святейшего синода: “Внушайте сынам силы в упование на Господа сил. Вооружайте словом истины простые души, открытые нападениям коварства. Всех научайте словом и делом не дорожить никакою собственностью, кроме Веры и Отечества” (цит. по работе: Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и русская православная церковь // Отечественная история. 2002. № 6). Официально распространялись письма высокопоставленных особ священнического звания: “5 сентября проехали город Ефремов, где читали письмо Платона, митрополита Московского, к государю императору, пророческое. Сильное и чувствительное” (Записки М.И. Маракуева).

Прочитывались царские указы, манифесты и воззвания в приходских храмах, затем звучала проповедь священника, совершались молитва и богослужение. Таким образом, светская пропаганда дополнялась религиозно-патриотическим воспитанием.

Разнообразные критические замечания вызывали печатные афиши – прокламации Ростопчина. Они появились еще в июле 1812 года по идее военного губернатора Москвы Федора Васильевича Ростопчина – в первой прокламации извещалось о заключении мира России с Турцией: “Чтобы удовлетворить нетерпение тех лиц, которые везде и у всех и каждого спрашивали о подробностях, я приказал напечатать в полиции, для раздачи, несколько сот экземпляров с этим известием” (Переписка имп. Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным // 1812 год в воспоминаниях...).

К осени 1812 года афиши выходили ежедневно, однако для истории сохранилось не более двадцати таких текстов (см. их публикацию: Барсук Н.В. Ростопчинские афиши. СПб., 1912). Другие свидетельства об этих прокламациях: “4 сентября обедали в Ливнах, где читали афишку от 26 августа о битве Бородинской, которая состояла в нескольких строках” (Записки М.И. Маракуева); “В Москве напечатали известия, дошедшие до нас, в которых говорилось, что после ужасного кровопролития с обеих сторон ослабевший неприятель отступил на восемь верст, но, что для окончательного решения битвы в пользу русских на следующий день, 27-го, сделают нападение на французов, дабы принудить их к окончательному отступлению. Таково было официальное письмо Кутузова к Ростопчину, которое и поместили в печатном известии” (Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской // 1812 год в воспоминаниях...).

Ростопчин справедливо решил, что “бороды будут оплотом России” (это выражение из его письма царю от 11.07.1812), но не нашел правильного тона в разговоре с народом. В оценке его афиш преобла-

дали отрицательные мнения: “А глупые афишки Ростопчина, писанные наречием деревенских баб, совершенно убивали надежду публики” (Записки М.И. Маракуева); “афишки московского градоначальника гр. Ростопчина выводили всех из терпения деревенским сказочным стилем, которым желал он приблизиться к понятию черни” (Там же). Избранный для изложения простонародный, сознательно вульгарный слог, излишне пафосная интонация вызывали раздражение у многих. Афиши продемонстрировали недостаток в стилистической системе русского языка начала XIX века общенародных средств, необходимых для публичного общения, в ростопчинской публицистике без разбору смешивались сатира и выпренность, грубое просторечие и церковнославянские архаизмы.

Денис Давыдов писал по этому поводу: “Я на опыте узнал, что в Народной войне должно не только говорить языком черни, но приноравливаться к ней и в обычаях и в одежде <...> Но не писать слогом объявлений Ростопчина. Это оскорбляет грамотных, которые видят презрение в том, что им пишут площадным наречием” (Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года // Клятву верности сдержали: 1812 год в русской литературе. М., 1987); “Полина занималась одною политикою, ничего не читала, кроме газет, ростопчинских афишек, и не открывала ни одной книги... полицейские объявления графа Ростопчина выводили ее из терпения. Шутливый слог их казался ей верхом неприличия” (Рославлев) – такова пушкинская оценка этого жанра массовой агитации.

К счастью, агитационно-пропагандистская практика 1812 года, может быть, только у графа Ростопчина носила импульсивно-анархический характер. Более высоким уровнем отличалась иная, тоже официальная пропагандистская литература, о которой долгое время у исследователей не было полной информации. При Главном штабе по инициативе профессоров Тартуского университета А.С. Кайсарова и Ф.Э. Рамбаха был создан настоящий пропагандистский центр, ядром которого стала походная типография. Первоначальной целью, как написали в служебной записке инициаторы, было путем выпуска “летучих изданий” ведение разъяснительной работы в войсках неприятеля и среди населения соседних государств (Латвии, Польши, Германии), а также объяснение своему народу захватнических планов Наполеона (см. книгу “Листовки Отечественной войны 1812 г.: Сборник документов”. М., 1962). Кроме листовок, в походной типографии выпускали военную газету “Россиянин”.

Первая листовка тиражом не менее 600 экземпляров была издана около 20 июля 1812 года. Это было обращение М.Б. Барклая-де-Толли к жителям Псковской, Смоленской и Калужской губерний с призывом к вооруженной борьбе с противником (вот фрагменты этого воззвания): “Обыватели псковские, смоленские и калужские! Вы, истин-

ные сыны отечества, верные подданные монарху своему и бесстрашные защитники собственности! Внемлите гласу, воззывающему вас к собственному успокоению вашему, к собственной безопасности вашей... многие из жителей губернии Смоленской пробудились уже от страха своего. Они, вооружась в домах своих, с мужеством, достойным имени русского, карают злодеев без всякой пощады. Подражайте им все, любящие себя, отечество и государя!” (Листовки Отечественной войны 1812 г. ...). Идея защиты Отечества и защиты собственности, а также обращение к обывателям как истинным сынам Отечества означали новую концепцию войны: она – *Отечественная* (ради защиты Отечества), она – всенародная (призыв к разворачиванию партизанского движения).

Через два дня после первой листовки было опубликовано обращение Барклая-де-Толли к российским дворянам с призывом о защите Родины: “Нашествие врагов силами великими на землю русскую возбуждает в каждом из нас дух справедливого мщения. Вера, обычаи, свобода, целость домов наших, словом, честь отечества в опасности... Увеличьте силу армий наших, поспешите в ряды между воинов русских... естли же отдаленность или другие препятствия не позволят иным присоединиться к нам, тогда, вооруженные в домах своих, истребляйте неприятеля мечом и пламенем... Да познают враги, на что народ наш способен. Не посрамим земли Русские!” (Там же).

Листовки издавались также от имени М.И. Кутузова, от Главного штаба армии. Распространялись они в тех губерниях, населению которых были адресованы, а также по всей России, содержали объективную информацию и оказывали исключительно положительное воздействие на настроение народа: “Печатные известия из армии, рассылаемые по губерниям, конечно, уже известили тебя подробно обо всем” (Там же). Таким образом, Главный штаб занимался не только организацией обороны, но и организовывал общественное мнение. Выкажем предположение, что “летучие издания” в значительной мере способствовали закреплению ратной идеи русского солдата – “за веру, за царя, за отечество” (см. это выражение в письме смоленского помещика от 4–12.09.1812 в изд.: 1812 год в воспоминаниях...).

Строй мыслей, лексика и фразеология, понятные и нынешним русским, выбранный слог, воспроизводивший традиции древнерусских воинских повестей и патриотических церковных проповедей, – всё было чрезвычайно счастливо угадано и с энтузиазмом принято людьми.

После печатной пропаганды на второе место по значимости поставим устную речь полководца как образец ораторского стиля. Необыкновенным даром доброго русского приветливого слова отличался Кутузов: “Благодарить он куда мастер – так и вытянет душу на самый кончик носа” (Солдатская переписка в 1812 году // 1812 год в воспоми-

нениях...). Отмечали также солдаты речи генерала Милорадовича и полковника Дениса Давыдова.

Что касается текущих печатных изданий, то самым неоперативным средством массовой информации в 1812 году оказалась газета: “А в газетах о занятии Москвы напечатали недели через две. Кутузов, извещая о сем несчастье публику, утешал тем, что потеря Москвы не есть потеря отечества, что он запер неприятеля в ней, перерезал пути его сообщений и снабжения продовольствием. Таким рассказам тогда никто не верил, говорили на это, что Кутузов с ума сошел” (Записки М.И. Маракуева).

В ту пору выходили всего три газеты: “Санкт-Петербургские ведомости” (ежедневно), “Московские ведомости” (два раза в неделю) и еженедельные “Казанские известия” (Русская периодическая печать [1702–1894]. Справочник. М., 1959). Отдельное слово о журналах, которые оказались для общества более заметны. Прежде всего “Сын Отечества”, основанный Н.И. Гречем в 1812 году специально в связи с событиями Отечественной войны. В нем печатались официальные воззвания, публицистические статьи и художественные произведения о подвигах регулярных русских войск и партизан. Событиям наполеоновских войн были посвящены многие страницы ежемесячного журнала “Русский вестник”, издаваемого С. Глинкой. В нем публиковались рассказы о русской армии и информация об успехах в войне 1812 года. “Вестник Европы” выходил два раза в месяц, редактировал его в то время М.Т. Каченовский, который практиковал политические фельетоны и патриотическую лирику.

Весьма распространено было общение с помощью частных писем. Эпистолярный стиль – детище конца XVIII – начала XIX веков, именно письма стали главным средством передачи информации: “Письма из армии приходили почти каждый день, старушки искали на карте местечка *бивака* и сердились, не находя его” (Пушкин. Рославлев); “Получаемые тогда из Москвы партикулярные [частные. – Г.С.] письма ничего в себе не содержали, кроме известий о здоровье и уведоmlений, что завтра или послезавтра поедут на богомолье к Троице” (Записки М.И. Маракуева); “Если через неделю ты не получишь от меня другого письма, значит, меня уже не будет в Москве. Куда мы поедem, не знаю, а равно не ведаю, каким образом буду получать твои письма и сама писать тебе” (Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской // 1812 год в воспоминаниях...); “Я часто получаю послания от Валуевых; они так привязались ко мне в течение трех месяцев, проведенных с нами, что при всяком удобном случае посылают мне дружеские письма. Подробности, которые они сообщают мне о Москве, крайне интересны” (Там же).

Самым массовым и эффективным средством коммуникации были слухи, распространяемые устным путем: “мы пробиваемся слухами, распускаемыми в народе, которые большею частию не что иное, как выдумки” (Там же).

Закончим рассказ сведениями о художественных текстах, созданных непосредственно в дни войны и распространившихся часто устно: это прежде всего народные песни (казацкие, солдатские). Образцом такой солдатской песни является датированное 5(18) июля 1812 года сочинение отставного солдата Фанагорийского гренадерского полка Никанора Остафьева из Вологды (возможно, это псевдоним) – “Песнь к русским воинам”. Приведем начало текста (цит. по изд.: Клятву верности сдержали):

Братцы! Грудью послужите,
Гряньте бодро на врага,
И вселенной докажете,
Сколько Русь нам дорога!
Посмотрите, подступает
К нам соломенный народ;
Бонапарте выпускает
Разных наций хилый сброд.
Не в одной они все вере,
С принуждением все идут;
При чувствительной потере
На него же нападут.
Вся Европа ожидает
Сей гибели его;
Бонапарта почитает
За злодея своего.

Уже в 1812 году издаются многочисленные анонимные антинаполеоновские брошюры: “Воззвание к соотчичам, найденное у подножия памятника князя Италийского графа Суворова-Рымникского”, “Разговор двух россиян и истинные чувства российского дворянства при получении Высочайшего Манифеста от 6 июля 1812 года”, “Беседа столетнего подмосковного жителя с пленным французским солдатом”, “Видение и разговор Н. с С. после сожжения Москвы и подорвания части кремлевских стен при уходе Наполеона с войсками из оной, куда он был допущен без бою и почти в пустую” и др. (Шведова Надежда. Злых фuries светоч: Образ Наполеона в русской публицистике XIX века // Родина. 2002. № 8). Появляются и первые авторские художественные патриотические произведения, например поэма Жуковского “Певец во стане русских воинов” (сентябрь – начало (до 6) октября 1812), строчка из которой использована нами в названии этой статьи.

Таким образом, короткое по времени французское нашествие в Россию вызвало мощную волну патриотического подъема, активизировавшего общественную жизнь, энергично отразившегося в различных формах речевого общения в 1812 году и гулким эхом прокатившегося в художественной литературе всего девятнадцатого века.

Вологда